

**Елена
ДУБРОВИНА**

Филадельфия,
США

ИВАН САВИН (1899–1927)

Я в сердце впрыскиваю пряный
Тягучий кокаин стихов.

Иван Савин

В «горячую, душную ночь» 12 июня 1927 года в пять часов утра на 28-м году жизни в Финляндии скончался от заражения крови после операции аппендицита белый офицер, русский поэт Иван Савин (Саволайнен), названный «поэтом Белой мечты». Умер, как и жил, в страшных муках. Его похоронили на гельсингфорсском (теперь хельсинкском) русском православном кладбище. На могильной плите – строки из его известного стихотворения: «Всех убиенных помяни, Россия, / Егда приидеши во Царствие Твое». И надпись: «Иван Иванович Саволаин. Поэт Иван Савин. 1899–1927».

Вот что пишет о последних минутах его жизни жена, Людмила Владимировна Савина-Сулимовская: «Савин нацарапал на листке бумаги: «впрыснуть морфий... доктора», но было поздно. Укол не помог. Поэт затих и долго смотрел прямо перед собой в огромное окно, куда

заглядывали ветки деревьев, потом осенил себя широким крестным знаменем и сказал ясно и тихо: «Господи». Это было в пять часов утра, в день святого Петра и Павла, в 1927 году, в Хельсинки, Финляндия».

Жизнь Ивана Савина оборвалась почти в самом начале творческого пути. Он был человеком глубоко верующим, и потому смерть поэта означала не потерю жизни как таковой, «а облечение в жизнь вечную» (апостол Павел), ибо смерть это еще не завершение жизни, а только продолжение ее, нашедшее воскрешение в творчестве. Георгий Иванов писал о том, что дело поэта любой ценой, даже ценой жизни, «создать кусочек вечности». Иван Савин умер совсем молодым, но он оставил нам стихи-документы о том времени, в котором жил.

На смерть Савина в газете «Возрождение» Иван Бунин писал: «После долгой и тяжелой болезни скончался в Гельсингфорсе молодой поэт и молодой воин – Иван Савин... То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незаб-

венную страницу в русской литературе; во-первых, по причине полной своеобразности стихов и их пафоса; во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строфы – особенно». На раннюю смерть поэта отозвался также Илья Репин, считая ее «невознаградной потерей» для русской литературной диаспоры.

* * *

Иван Савин, настоящая фамилия которого Са-волайн или Саволаин, русский поэт, писатель, журналист, участник Белого движения, эмигрант первой волны. Вот как описывает его Людмила Савина-Сулимовская: «Высокий брюнет, небольшие мягкие глаза под густыми бровями. Во всей его фигуре была необычайная элегантность».

Родился Савин 29 августа 1899 года в Одессе. Дед его по отцу, Йохан Саволайн, был финским моряком, осевшим в России и женившимся на гречанке, которую встретил в Елисаветграде. Их сын, Иван Саволайн (старший), нотариус по профессии, был человеком русской культуры. В одной из деловых поездок Иван Иванович без памяти влюбился в молодую помещицу, вдову, Анну Михайловну Волик. Отец ее был молдаванин, из старинного рода Отян, мать Анны Михайловны была русская. Хотя Анна Волик была старше Саволайнена на десять лет и у нее к тому моменту уже было пятеро детей, для Ивана Ивановича это не было препятствием – брак был заключен по страстной любви. У супругов родилось еще трое детей: Иван, Николай и Надежда (Диля). Но через несколько лет они разошлись и в продолжение шести лет не встречались. Однако у всех восьмерых детей была на всю оставшуюся жизнь настоящая родственная связь и любовь.

Детство и юность Ивана Савина прошли в казачьем городке Зеньков Полтавской губернии, где семья жила обычной спокойной провинциальной старосветской жизнью. Первое стихотворение было написано Иваном в одиннадцатилетнем возрасте, а в пятнадцать его стихи впервые появились в печати. Так вспоминает о своем детстве поэт:

*И смеялось когда-то, и сладко
Было жить, ни о чем не моля,
И шептала мне сказки украдкой
Наша старая няня – земля.*

Но «сладкое житье» поэта было недолгим. Как

и многие мальчики того времени, всем сердцем верящие в спасение России, он присоединился к Белому движению. Генерал Врангель писал: «Белая борьба – это воспитание десятков тысяч юношей – сынов будущей России – в сознании долга перед Родиной». Для Савина это была борьба светлых и темных сил, борьба добра и зла. Студент Харьковского университета, он в возрасте девятнадцати лет пошел добровольцем в кавалерию армии генерала Деникина. Вспоминая то время, Савин позже напишет: «...Отзвучали раскаты орудий на русско-германском фронте. Загрохотала февральская революция, потом октябрьская. В бешеной смене надежд и отчаянья, недолгого хмеля и долгой крови пронеслись над нашим южным городом десятки властей, армий, правителей и самозванцев». Как участник Гражданской войны Иван Савин сполна хлебнул всей ее горечи и жестокости. А ведь поэт когда-то писал:

*Я был рожден для тихой доли.
Мне с детства нравилась игра
Мечты блаженной. У костра
В те золотые вечера
Я часто бредил в чистом поле,
Где щедрый месяц до утра
Бросал мне слитки серебра
Сквозь облачные веера.*

Но времени для мечтаний уже не оставалось. Поэт очутился перед жестокой действительностью, не отвечавшей его юношеским иллюзиям. Вся семья Ивана встала на сторону Белой армии и была сметена ураганом революционных событий и войны. Две его сестры, всегда ранее окруженные любовью и заботой родителей и братьев, умерли от лишений и голода во время Гражданской войны.

Сестрам моим, Нине и Надежде

*Одна догорела в Каире.
Другая на русских полях.
Как много пылающих плах
В бездомном воздвигнуто мире!*

Два старших брата, михайловские артиллеристы, были расстреляны в Крыму, в Симферополе в ноябре 1920 года. Коля, пятнадцатилетний мальчик, служивший в синих кирасирах, погиб в бою. Борис был зарублен под Каховкой красными. Братьям он посвятил повесть «7000 расстрелянных» и позже – свои лучшие стихи.

Братьям Михаилу и Павлу

*Ты кровь их соберешь по капле, мама,
И, зарыдав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла яма,
Сынами вырытая в проклятых песках...*
-----

*И плыл рассвет ноябрьский над туманом,
И тополь чуть желтел в невидимом луче,
И старый прапорщик во френче рваном,
С чернильной звездочкой на сломанном плече,*

*Вдруг начал петь – и эти бредовые
Мольбы бросал свинцовой брызжущей струе:
Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во Царствие Твое.*

В этих стихах Савин изображает действительность происшедшей катастрофы, обыденной – «и тополь чуть желтел в невидимом луче», и неприкрашенной – «и старый прапорщик во френче рваном». Переход из мира детской мечтательности в мир чужой и жестокий переживался поэтом мучительно. События, которые произошли в его стране, ввергли его в отчаяние, разрушили его идиллию счастья, когда «были буйные услады и гордой молодости лет...». А теперь – «рука протянутая молит о капле солнца». Его лирический герой на пороге раздумий – горе вторглось в его внутренний мир, изменив суть его существования. Савин рассказывал о происходящих событиях как непосредственный их участник, «господом поставленный в дозоре», как человек, переживший эту катастрофу и скорбящий о погибшей России:

*Я – Иван, не помнящий родства,
Господом поставленный в дозоре.
У меня на ветренем просторе
Изошла в моленьях голова.*

*Все пою, пою. В немолчном хоре
Мечутся набатные слова:
Ты ли, Русь бессмертная, мертва?
Нам ли гинуть в чужеземном море?!*

С такой же горечью описывала поражение Белой армии поэтесса Алла Головина: «Как бились страшно наши под Каховкой, / Мучительно отстаивали Крым. / Серебряною маленькой подковкой / Луна всходила через белый дым». Во время крымского отступления Иван Савин заболел тифом. Когда пал последний рубеж обороны Перекопа, Савин находился в Джанкое, в госпитале. Так

как он был болен, его не могли эвакуировать, и поэт оказался в плену. Вот что писал о его пленении Иван Бунин: «После падения Крыма он остался, больной тифом, на запасных путях Джанкойского узла, попал в плен... Узнал глумления, издевательства, побои, голод, переходы снежной степи в рваной одежде, кочевания из ЧЕКИ в ЧЕКУ...»

Все пережитое Савин опишет позже в очерке «Плен», художественном документе о революции и Гражданской войне, об испытаниях, выпавших на долю тех, кто попал в плен к красным. В «Плену» Савин рассказывает о самых бесчеловечных деяниях и преступлениях, которые совершались постоянно и повседневно, когда человек должен был быть или хищником, или беззащитной жертвой. Вот как Савин описывает Джанкой в этой повести: «Джанкой – так похожий на еврейское местечко Юго-Западного края, не будь в нем чего-то татарского, – спал или притворялся, что спит, и в этом обычном для периода безвластия безмолвии было что-то зловещее, жуткое». В этом зловещем безмолвии пленные подвергались издевательствам, царила атмосфера морального и физического унижения. Многие литературоведы считают «Плен» предтечей шаламовской прозы, хотя повесть эту можно назвать предшественницей не только «Колымских рассказов» В. Шаламова, но и многих рассказов и романов, описавших советские лагеря в русской литературе: «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Погружение во тьму» О. Волкова и других, где основной темой, как и у Савина, была тема существования человека в нечеловеческих лагерных условиях.

Некоторые однополчане Савина оказались в тяжелых условиях галлиполийского лагеря. Но Савин переживал еще более кошмарные дни пленения у красных. Ростислав Полчанинов писал, что галлиполийцы склоняли голову перед стойкостью Ивана Савина, с которой он перенес выпавшие на его долю муки. Они признали его своим галлиполийцем, рыцарем Черного креста – того самого, который они носили с гордостью на своих военных гимнастерках, а потом на штатских костюмах. Слово «Галлиполи» для белых эмигрантов было символом готовности к борьбе с красными. Вот строки из стихотворения Ивана Савина, посвященного мужеству галлиполийцев:

*Чашу горьких лишений до дна
Вы, живые, вы, гордые, выпили*

*И не бросили чаши... В Галлиполи
Засияла бессмертьем она.*

*Что для вечности временность гибели?
Пусть разбит ваш последний очаг –
Крестоносного ордена стяг
Реет в сердце, как реял в Галлиполи.*

*Вспыхнет солнечно-черная даль,
И вернетесь вы, где бы вы ни были,
Под знамена... И камни Галлиполи
Отнесете в Москву, как скрижаль.*

Пройдя через бесчисленные допросы, Савин наконец был освобожден. «Чтобы избежать расстрела, он сжег свой офицерский мундир и утверждал, что был простым полковым писарем» (В. Синкевич). Однако полностью оправиться от ран и болезни он уже не мог – потеря родных и избиения в ЧК сильно расшатали не только его физическое здоровье, но и нервную систему. Вскоре с помощью своего солдата-улана Савину удается добраться до Петербурга, где он встречается с отцом. Прожил он в этом городе в невероятно тяжелых условиях. В стихотворении, посвященном матери, Савин пишет в том же году из Петербурга:

*Жизнь ли бродяжья обидела,
Вышел ли в злую пору...
Если б ты, мама, увидела,
Как я озяб на ветру!
Знаю, что скоро измочится
Ливнем ночным у меня
Стылая кровь, но ведь хочется,
Все-таки хочется дня.*

В 1922 году отцу и сыну удалось получить разрешение на выезд в Финляндию, так как благодаря происхождению отца финские документы у них были в порядке. Отец и сын приезжают в Хельсинки без средств к существованию. В Финляндии Иван Савин попадает сначала для лечения в санаторий, где проводит восемь месяцев, пытаясь поправить свое подорванное войной и пытками здоровье. В Хельсинки русской интеллигенции приходилось братья за любую тяжелую работу; бывшие офицеры становились рабочими. Конфетную фабрику «Фацер» называли «русской академией». Трудились русские эмигранты и на колбасной фабрике «Маршан», и на Кабельном заводе. Сначала Ивану Савину пришлось работать грузчиком, но потом он и его отец находят работу на сахарном заводе. В это время в Париже русский поэт-эмигрант князь Федор

Касаткин-Ростовский писал в своем известном стихотворении «Грузчики»: «Мы – грузчики, мы разгружаем вагоны, / Мы носим тюки на усталой спине. / Мы – те, кто недавно носили погоны / И кровь проливали за Русь на войне». И все же, несмотря на все трудности, встретившие Савина в Финляндии, Людмила Савина-Сулимовская в предисловии к книге о нем пишет: «Конечно, жизнь после плена и голода была у нас просто сказочной».

В Финляндии к этому времени сформировалась большая русская колония, включающая бывших воинов Белой армии. Иван Савин нашел среди них и верных друзей, которые героически продолжали бороться за свободу России. Таков был белый офицер Виктор Ларионов. Вот как он описал героизм русских мальчиков в предисловии к запискам «Боевая вылазка в СССР»: «Русская молодежь, повинувшись зову сердца, умела беззаветно умирать на полях сражений и с улыбкой становиться к стенке под дула чекистских ружей». В своей статье Ларионов приводит четверостишие Ивана Савина:

*И гнев Твой, клокоцуще-знойный,
На трупные души пролей.
О Боже, они недостойны
Ни нашей любви, ни Твоей.*

Творческая атмосфера русского землячества Финляндии того времени сыграла большую роль в жизни Савина. Русское население страны было довольно обширно. По данным статистики, «к моменту провозглашения Финляндией независимости на ее территории оказались три категории русских: постоянные жители страны (часть из них имела финляндское гражданство), военные (весной 1918 г. их было примерно 40 тысяч, к концу года осталось незначительное число отставников) и небольшая часть дачников Карельского перешейка, укрывшихся там от революционной анархии». Среди последних – художник Илья Репин и писатель Леонид Андреев.

Важную роль в культурной жизни русских в Финляндии играла деятельность таких издательств, как «Фундамент» и «Библион». Выходил целый ряд периодических изданий: «Русская жизнь», «Новая русская жизнь», «Русский вестник», «Русский голос», «Путь», «Рассвет» и другие.

В Хельсинки организуется «Русская колония» для помощи нуждающимся беженцам из России. Член правления «Русской колонии» Валериан Воутилайнен издавал местную газету «Новые русские вести». В ней 24 мая 1925 г. появилась

статья Ивана Савина, где он призывал своих соотечественников вступать в «Русскую колонию». Закончил свое обращение Иван Савин словами: «Надо же, господа, когда-нибудь перейти от слов к делу!»

Финский период жизни Ивана Савина можно проследить по его публикациям в местной русской печати. Именно в это время начинается наиболее активный период его журналистской и писательской деятельности. Он полностью окунается в литературную жизнь. 29 октября 1922 г. в хельсинкской газете «Русские вести» было опубликовано его стихотворение «Возмездие»:

*И вот он, час возмездья черный,
За жизнь без подвига, без дрожи,
За верность гиблому безверью
Перед иконой чудотворной,
За то, что долго терем Божий
Стоял с оплеванной дверью!*

В 1924 году в Финляндии Савин становится собственным корреспондентом целого ряда изданий Русского зарубежья: берлинской газеты «Руль», рижской «Сегодня», белградской «Новое время». В хельсинкском ежедневнике «Русские вести» с 1922-го по 1926 год им было опубликовано более ста рассказов, стихотворений и очерков. Савин завоевывает любовь всей русской колонии.

При жизни поэта вышла только одна книга его стихов «Ладонка», изданная главным правлением Галлиполийского общества. Небольшой сборник Ивана Савина сделал его популярным поэтом русской эмиграции. В предисловии профессор В. Х. Даватс писал о стихах Савина: «...в них нет ни патриотического шума, ни сентиментальной слащавости. И главное – в них нет нигде стихотворной прозы».

Книга Ивана Савина переиздавалась три раза – небывалый случай в русской эмигрантской поэзии. У поэта было мало времени для творчества, всего пять лет, но то, что он создал, – необыкновенно талантливо. «Настоящий творец прежде всего драгоценен как личность. Вы ясно чувствуете, что он больше того, что он сотворил... Когда автор больше своих созданий – он подлинный творец, а не только мастер», – так писал в своей книге «Статьи о литературе» Борис Филиппов. Слова эти можно полностью отнести и к личности, и к поэзии Савина. Чуткий читатель оценил, как велика, необычна и цельна личность поэта, а потому – так глубинна и широка его поэзия и так высоко его дарование. Видимо, поэтому книга

его стихов и переиздавалась за короткое время трижды.

Прошло тридцать лет после выхода в свет единственной книги Ивана Савина. В своей работе «Русская литература в изгнании», выпущенной в Нью-Йорке в 1956 году, Глеб Струве так отозвался о «Ладонке»: «Религиозность, любовь к России и вера в нее, и верность «белой мечте», звучавшие как основные мотивы в этой скромной книжечке, стяжали Савину популярность в кругах, все еще преданных белой идее. Но в стихах Савина не было ничего надуманно-тенденциозного, никакой пропаганды. У него был свой, приглушенный, но подлинно поэтический голос».

В 1957 году Ксения Деникина, вдова генерала Деникина, писала в нью-йоркской газете «Новое русское слово»: «Савин, однолеток Лермонтова, скончался на 28-м году жизни. Его не знают широко. Жестокая судьба послала его в русскую жизнь в самые роковые годы лихолетья, в красную завируху, которая снесла все устои нашей культуры; и надо сказать, что на его долю выпали все муки».

* * *

Стихи поэта невозможно отделить от его личности, обремененной ношей страшных воспоминаний войны и революции, времени разгрома, кощунственного уничтожения всего прекрасного, умерщвления духа и плоти человеческой. «Страшный мир» Александра Блока, когда поэт, как бы предвидя будущее, восклицает: «О, если бы знали, дети, вы / Холод и мрак грядущих дней», вторгается и в творчество Ивана Савина:

*И крови нашей страшный грунт,
Засеяв ложью, шут нарядный
Увьет цветами – русский бунт,
Бесмысленный и беспощадный.*

Юноша Савин стал свидетелем этого разгрома темных сил. Душа поэта, наполненная глубоким состраданием к России, оказывается между двумя безднами – между бесконечностью доброго мира и бездонной пучиной бесконечного мрака. Схватка добра со злом становится крайне напряженной и в какой-то момент достигает своего апогея. Для борьбы со злом присоединился Иван к Белой армии. При жизни его называли Белым витязем, поэтом Белой мечты. Савина также называли поэтом Белого дела, хотя тематика его стихов выходила за рамки Белого движения и

уходила корнями гораздо глубже, в чисто человеческие аспекты восприятия судьбы, жестокой и несправедливой, что выражено, согласно В.Х. Даватсу, «словами, которые падают в душу огненными каплями». И дальше Даватс продолжает свою мысль о том, что Иван Савин «выражает внеполитическую природу белых борцов».

И хотя Савин перенес страшные физические и моральные пытки, спасала его вера в правду, за которую он боролся. Вот строки из его очерка «Плен»: «Если человек несет в себе внутреннюю правду, всякое насилие извне только усиливает ее тайную сопротивляемость насилию, приближает ее к святости». Такую внутреннюю правду, выдержавшую все муки плена, доносит поэт до нас в своих стихах.

Стихи Савина наполнены героическим романтизмом Белого движения за спасение России, где почти в каждом его стихотворении присутствует Бог. Бог для Савина – это тот поводырь, который может привести его к воротам оставленной родины:

*Вот зачем я не верю, а знаю,
Что не надо ни слез, ни забот,
Что когда-нибудь к милому краю
Нас Господь наконец приведет.*
-----

*В час, когда над миром будет
Снова слышен Божий шаг,
Бог про верных не забудет;
Бог придет в наш синий мрак.*

Перед нами возникает целая картина, та вселенная, где разыгрывается драма, участником которой он становится. Мысли о трагической судьбе родины не оставляют поэта:

*Никакие метели не в силах
Опрокинуть трехцветных лампад,
Что зажег я на дальних могилах,
Совершая прощальный обряд.
Не заставят бичи никакие,
Никакая бездонная мгла
Ни сказать, ни шепнуть, что Россия
В пытках вражьих сгорела дотла.*

Здесь вспоминаются строки из поэмы Блока «Возмездие», написанной в 1910 году: «Россия-мать, как птица тужит / О детях, но – ее судьба, чтоб их терзали ястреба...» Еще тогда Блок, пророчески предчувствуя гибель России, тревожился о судьбе ее детей, о судьбе таких ее преданных сынов, как поэт Иван Савин.

Иван Елагин писал о поэзии Савина: «Эти стихи – торопливый рассказ, полный жутких подробностей, от которых можно захлебнуться слезами и почувствовать приближение обморока. Ритм этих стихов – ритм походки выведенных на расстрел и шатающихся от слабости и непривычного, после тюрьмы, свежего воздуха. Иван Савин свидетельствует о своем страшном и героическом времени, а его поэзия – поэзия высоких обид и высокого гнева». Поэзия Савина, как и поэзия Елагина, была высоко гражданской.

Настоящая поэзия не может быть сведена только к потоку подсознания и изолирована от сознательного восприятия мира, опыта, логического мышления. В поэзии Ивана Савина сочетается все: и сильные эмоции, и глубина мысли, и опыт пережитого, и искусство соединить и выразить все эти компоненты в одном поэтическом произведении. Стихи, как и чувства его лирического героя, чисты, словно первый белый снег, «где снег нетронутых желаний / всех нецелованных невест». Но ключевыми словами его поэзии являются звезды. Его причастность к миру звезд – это и отражение его романтических настроений, и символ прошлого и будущего, и звездный свет таинственной и далекой родины, когда вспоминает он русские луга, «хаты да пашни», «утро, пушистое сено», мельницу у реки:

*И брызнет полночь синей тишью.
И заструится млечный мост...
Я сердце маленькое вышью
Большими крестиками звезд.*

*И, опьяненный бредом лунным,
Ее сиреневым вином,
Ударю по забытым струнам
Забытым сердцем, как смычком...*

Звезды далекие, недостижимые и загадочные, ассоциируются у Савина со звездочкой на погонах военного: «И старый прапорщик во френче рваном / с чернильной звездочкой на сломанном плече». У другого большого русского поэта, Ивана Елагина, поэта второй волны эмиграции, поэзия которого близка по духу поэзии Савина, тоже преобладают звезды: «А в августе звезды летели на мост. / Успей! Пожелай!.. Загадай! Но о чем бы? / Проторенной легкой параболой звезд / Летели на город голодные бомбы». А вот строки из стихотворения Ивана Савина, которые переключаются со строками Ивана Елагина:

*Помните? Ночью колеса
Ласково как-то бегут.
Месяц прищурился косо
На полувысохший пруд.*

*Мышь пролетела ночная.
Выплыл из темени мост,
С неба посыпалась стая
Кем-то встревоженных звезд.*

«Холодные звезды тревожного марта / Бледнели одна за другой за окном», – так видел звезды Гумилев. Вячеслав Иванов писал, что поэзия Николая Гумилева «напоминает взрыв звезды, перед своим уничтожением ярко вспыхнувшей и пославшей поток света в окружающие ее пространства». То же самое можно сказать и о поэзии Ивана Савина, где «зеленый свет сбегит по скалам, / как изумрудная слеза».

Стихи Ивана Савина окрашены романтическими настроениями Николая Гумилева и Александра Блока. Как и Блок, он связывает воедино романтику и реализм. «Истинный реализм, реализм великий, реализм большого стиля, составляет самое сердце романтизма», – писал Александр Блок, который считал, что признаком истинного романтизма является удесятенное чувство жизни. Романтизм Савина, как и романтизм Блока, носит трагический характер и не является противопоставлением реализму. Романтические чувства в поэзии Савина доведены до предела, до самого высокого накала, когда в них вдруг появляется глубокая, неожиданная и тихая тоска:

*И любил я, и верил, и снами
Несказанными жил наяву,
И прозрачными плакал стихами
В золотую от солнца траву...*

Как Гумилев и Блок, молодой поэт погиб в расцвете своих творческих сил. Судьбы разные, но одинаковые по своему трагизму. Стихи Блока Савин высоко ценил. Я хочу здесь привести пример стихотворения Ивана Савина, где явственно звучат мотивы блоковской «Незнакомки». Помните у Блока: «И медленно, пройдя меж пьяными, / Всегда без спутников, одна, / Дыша духами и туманами, / Она садится у окна»? А вот стихи Савина, где присутствует та же романтика очарования загадочной незнакомкой, та же мистика любовного опьянения. Как и Блок, он ищет образ прекрасной женщины, создает и идеализирует видение незнакомки. Все сплелось в образе таинственной женщины: она – это сон, это – мечта, это – уход от

страшной действительности в мир таинственный и прекрасный. И здесь опять ему мерещится образ звезды, падающей в пруд и излучающей таинственное сиянье, как и его незнакомка:

*В тебе старинное очарованье
Поет, как памятный хорал,
Когда тыходишь в дымный зал,
Роняя медленно сиянье.
Так ходят девушки святые
На старых фресках. В темный пруд
Так звезды падают. Плывут
Так ночью лебеди немые.
И сердце, бьющееся тише,
Пугливой лоз прибрежных ждет,
Что над тобой опять сверкнет
Прозрачный венчик в старой нише.*

Савин бережно хранил старую потрепанную книжку Блока. Он принадлежал к тому поколению молодых поэтов, которое выросло и формировалось на поэзии серебряного века. Отсюда и романтика чувств, и трагичность любовной лирики. Иван Савин любил глубоко. Его первой и самой сильной любовью была соседская девушка Мария, «сероглазая девочка», которой он посвятил свои первые юношеские стихи. Но в их город вошла Красная армия. Всю семью Марии большевики выгнали из дома, а отец ее был брошен живым в общую могилу. Когда город освободили белые, братскую могилу раскопали. Там Мария и нашла обезображенное тело своего отца. Это был последний раз, когда Савин видел свою «сероглазую девочку».

*Прости... размыты строки вновь...
Есть у меня смешная заповедь:
Стихи к тебе, как и любовь,
Слезамидлинными закапывать.*

Они еще долго переписывались, пока не пришло ему письмо из России, сообщавшее, что Мария вышла замуж за другого. Для Савина, любившего глубоко, это сообщение было еще одним жестоким потрясением. Он считал ее своей невестой, а она предала, связала свою жизнь с большевиком, несмотря на то что ее отец и братья были уничтожены красными.

*Любите врагов своих... Боже,
Но если любовь не жива?
Но если на вражеском ложе
Невесты моей голова?*

Однако судить ее ему было трудно. Он понимал, что в силу тяжелых обстоятельств, голода, нищеты, возможно, у нее не было другого выхода – либо пойти по рукам, либо выйти замуж: «Были слухи – в остроге сгорела, / Говорили, пошла по рукам».

Писатель Владимир Лидин описал Марию в своем рассказе «Марина Веневцева». Прочитав рассказ Лидина, в одном из писем Мария спрашивала у Савина: «Я до истерики думаю: почему же, если я такая, что обо мне пишут в книгах, – почему же никто не поможет?» Но и Иван был не в силах ей помочь. Он мог только горько оплакивать ее страшную судьбу и измену. Она и Россия сливаются у него в один образ предавшей его женщины. У Савина, как и у Александра Блока («Какому хочешь чародею / Отдай разбойную красу»), и у Арсения Несмелова («Пусть дней немало вместе пройдено, / Но вот не нужен я и чужд, / Ведь вы же женщина – о Родина!»), родина выступает в роли возлюбленной, невесты, с которой поэта связывают сложные отношения.

*Прощай, Господь поможет сладить
Мне с безутешной долей той,
Что я был изгнан правды ради
И краем отчим и тобой.*

Вскоре на одном из поэтических кружков Савин встречает замечательную девушку, Людмилу Соловьеву, которая становится не только его женой, но и его слушателем, советчиком, близким другом. Людмила Соловьева родилась в Финляндии, однако по происхождению была русской и оставалась таковой до конца своих дней. Умерла она в доме для престарелых в штате Нью-Джерси, пронеся бережно до последнего вздоха память о муже. Вот строки совсем других по настроению стихов, которые поэт посвятил своей тогда еще будущей жене. Они написаны в духе русского фольклора. Стихи очень музыкальны – в них он молит о покое, о защите от безумной и мятежной жизни, в которой он «к земле придавлен грохотом» войны:

*Птичка кроткая и нежная,
Приголубь меня!
Слышишь – скачет жизнь мятежная,
Захлестав коня!
Брызжут ветры под копытами,
Гривы – в злых дождях...
Мне ли пальцами разбитыми
Сбросить цепкий страх?
Слышишь, жизнь разбойным хохотом
Режет тишь в ночи.
Я к земле придавлен грохотом,*

*А в земле – мечи.
Все безумней жизнь мятежная,
Ближе храп коня...
Птичка кроткая и нежная,
Приголубь меня!..*

Как и в стихах многих поэтов первой и второй эмиграции, ностальгические мотивы часто встречаются в поэзии Ивана Савина. Россия, израненная и истоптанная, как его собственная жизнь, болит в его стихах и в его сердце. В одном из лучших стихотворений «У последней черты», которое Савин в 1925 году посвятил Бунину, звучат самые пронзительные и ностальгические строчки его поэтического творчества:

*Черкнув крылом из глади водной,
В Россию чайка уплыла –
И я крещу рукой безродной
Пропаший след ее крыла.*

«Тот трагизм, который является сущностью всякого подлинного искусства, стал тем зерном, из которого выросло целое поколение новых поэтов со своим, другим пониманием мира, основанным на трагическом опыте оторванности от родины и одиночества на чужой земле», – писал Юрий Терапиано. Россия поэзии эмигрантской, оставаясь живой внутри и «мертвой извне», являлась больше темой внутреннего осмысления, почерпнутой из прошлого. Россия существует вне реальности – только в сознании, в памяти. Стихи Савина о России – это стон, это вопль, это «выкрик вместо напева» (Вл. Маяковский). Поэт постоянно задает себе вопрос о возможности возвращения:

*Услышу ль голос твой? Дождусь ли
Стоцветных искр твоих снегов?
Налью ли звончатые гусли
Волной твоих колоколов?*

Иван Савин писал в обращении «Моему внуку»: «Тебе, пронизанному жизнью, солнцем, уютом семьи и родины, тебе трудно представить, что значит бродить по чужим дворам, никогда не смеяться, душу свою живую, человеческую душу вколачивать в тиски медленной смерти...» Вот незабываемые ностальгические строки, которые так иносказательно передают его тоску по оставленной родине и трудности существования на чужой земле:

*Клубились ласковые годы,
Где каждый день был свят и прост.
А мы в чужие небосводы
Угнали стаю наших звезд.*

.....
*Мне недруг стал единоверцем:
 Мы все, кто мог и кто не мог,
 Маячим выветренным сердцем
 На перекрестках всех дорог.*

Николай Бердяев считал, что человек может вынести любые страдания, когда они осмысленны. Такое осмысление поэты искали в творчестве. Как многие поэты-эмигранты, Савин тяжело переживал свою оторванность от русского читателя. Поэт восклицает: «Как мне жить среди одетых в камень душ, / Мне – влюбленному в березовую глушь?» И сразу же вспоминаются строки другого поэта, Довида Кнута, жившего в то же время в Париже: «Меж каменных домов, средь каменных сердец, / По каменной земле, под небом равнодушным». Или строки Марии Визи: «Мне город твой не нужен тёмный, / мне страшно каменной стены».

Иван Савин, как и его соотечественники, искал спасения от душевной тоски в поэзии: «Не потому ль с недавних пор / Я даже думаю стихами». Он писал стихи, любуясь ночным морем, когда бродил «у смуглых берегов», чтобы «береговые камни метить иероглифами стихов». Или в самое тяжелое время битвы, когда «смерть хлестала кровью», набегали неожиданные строки:

*Закипело рвущимся эхом
 Небо мертвое! В дымном огне
 Смерть хлестала кровью и смехом
 Каждый шаг. А я на коне,*

*Набегая, как хрупкая шляпка
 На девятый, на гибельный вал,
 К голубому слову – голубка –
 В черном грохоте рифму искал.*

Тайна его поэзии – в умении пользоваться словом. Именно в тайне слова, им произнесенного, когда переплетаются интуиция, фантазия и действительность, лежит ключ к его поэзии. Поэтические строки его стихов преломляются, как лучи солнца в зеркале, и ложатся на бумагу в виде интуитивных поэтических символов. Гете писал, что «все переходящее есть лишь символ». У поэта предмет виденного превращается в символ. Возможно, что он видит мир не так, как все, ибо слово его выпукло и многогранно. В стихах Ивана Савина, как в сложном музыкальном произведении, мы можем различить множество пластов. Но он не конструирует свои стихи – они выплескиваются как одно целое – подсознательное и интуитивное. Интуиция здесь рассматривается как чутье, глубинная прони-

цательность, непосредственное постижение истины без логического анализа, как связующая нить между духовным и физическим миром. Но в то же время интуиция является неотъемлемой частью его интеллекта, сокрытой на дне души. Его поэзия – это непредсказуемый поток эмоций, результат интенсивной работы души, основанной на опыте прошлого. Стихи Ивана Савина обладают таинственной и магической, почти что сверхъестественной энергетической силой, которая затягивает читателя в свое магнетическое поле. Глубину поэзии, ее мистицизм доносит поэт до нас с помощью образов, нарушающих покой, тишину, когда «неостановимо, невосстановимо хлещет жизнь» (Марина Цветаева). Вот строки из стихотворения Ивана Савина «Буря»:

*В парче из туч свинцовых гроб
 Над морем дрогнувшим пронесся.
 В парчу рассыпал звезды сноп
 Свои румяные колосья.
 Прибою кланялась сосна,
 Девичий стан сгибаю низко.
 Шла в пенном кружеве волна,
 Как пляшущая одалиска.*

С помощью образов и символов поэт создает гармонию звука. Система его ассоциативных связей неожиданна и непредсказуема: «когда судьба из наших жизней / пасьянс раскладывала зло». Или «в снегу танцующие дни», «январский день в меха из снега / крутые кутал купола», «и свет земли связал мой посох / коврами небывалых пряж», «и вздрагивало каждый раз / слегка прищуренное море». В том же стихотворении «Буря» Савин описывает глаза любимой, не снижая при этом накала всего стихотворения:

*Так серые твои глаза
 Темнели в гнев и мерцали
 Сияньем терпким, как слеза
 На лезвии черной стали.*

Динамика его стихосложения выражается в интуитивном движении мысли от начала до конца стихотворения, где последние строки являются итогом его поэтического замысла, когда ударяет он «по забытым струнам, / забытым сердцем, как смычком». Стихи Савина многослойны – в них есть и четкая динамика слов, и многогранные образы, и глубина чувств, и осмысление исторических событий, и яркая индивидуальность.

Фредерик Шопен говорил о музыке, что самое главное в ней – это высокое вдохновение с меньшими затратами труда. Поэзия, как и музыка, заставля-

ет поэта заглянуть в глубину души и разделить силу своих эмоций с читателем или слушателем. Часто и музыкальная композиция звучит как поэтическое произведение. Важным элементом поэзии Савина является сила музыкального звучания его поэтического слова. Музыкальность поэзии Ивана Савина оставляет такое же яркое впечатление, как прекрасно написанное музыкальное произведение, когда духовное напряжение переплетается с мыслью и чувством создателя. В процессе зарождения стихотворения музыкальный звук рождается подсознательно, с помощью едва осязаемого прикосновения внутренней духовной силы, когда поэтическая интуиция поднимается над сознанием. В поэтических строках Ивана Савина всегда звучит музыка – или страстная и горькая, или тихая и задушевная:

*И каждый раз рыдали в хоре,
И вздрагивало каждый раз
Слегка прищуренное море
Твоих необычайных глаз.*

«Поэтическая мысль представляет синтез всех слоев личности, включая интеллект и физиологию, духовный и душевный строй, – все, что постигается чувствами...» – писала Надежда Мандельштам. Отличительными качествами поэзии Савина являются именно высокое вдохновение, одухотворенность и та искренность, ритмичность и музыкальность, с которой написаны его стихи.

Варлам Шаламов в 20-х годах двадцатого столетия говорил о том, кем должен быть поэт: «Помимо таланта, литературных достоинств, живой поэт должен быть большой нравственной величиной. С его моральным обликом современники не могут не считаться... Нравственный авторитет собирается по капле всю жизнь... Тогда я еще не понимал, что поэзия – это личный опыт, личная боль и в то же время боль и опыт поколения. Я не понимал еще тогда, что стихи рождаются от жизни, а не от стихов».

Стихи Савина – это стихи поэта высокой морали, биография его души, биография Белого воина, прошедшего через нечеловеческие страдания, но сумевшего сохранить чистоту чувств и глубину мышления. И одновременно его поэзия – это отражение эпохи, это биография целого поколения русских мальчиков, прошедших ад войны и ужасы плена. «Стихи Савина – интимная исповедь, и этой исповеди нельзя не верить», – так пишет о его поэзии Петр Пильский.

Виктор Гюго говорил, что простота, правда и естественность – три основных признака великого. Этими словами можно охарактеризовать поэзию Ивана Савина. Нет в его стихах ничего вычур-

ного или поддельного – есть только великая правда творца, человека, выстрадавшего за свои двадцать семь лет не одну, а много жизней. Война украла у него молодость, мечты, надежды:

*Кто украл мою молодость, даже
Не оставил следа у дверей?
Я рассказывал Богу о краже,
Я рассказывал людям о ней.*

*Я на паперти бился о камни.
Правды скоро не выскажет Бог.
А людская неправда дала мне
Перекопский полон да острог.*

*И хожу я по черному снегу,
Никогда не бывав молодым,
Небывалую молодость эту
По следам догоняя чужим.*

А жизнь он любил страстно. Был безгранично талантлив – играл на рояле, рисовал... Жена его пишет в своих воспоминаниях, что творил он всегда – «полубольной и здоровый». В Хельсинки при кружке русской молодежи работала Студия любителей драматического искусства. В этой студии часто ставили пьесы Савина. Иногда Савин сам выходил на сцену. Современники вспоминали, что в повседневной жизни Иван Савин заикался, «но как только он становился на подмостки – или просто читал стихи, его речь лилась совсем плавно».

В 1988 году Людмила Владимировна Савина-Сулимовская выпустила книгу об Иване Савине «Только одна жизнь», куда вошли статьи о Савине, отзывы о его творчестве, его проза и стихи, а также короткие воспоминания самой Сулимовской. Ростислав Полчанинов, один из составителей этой книги, пишет: «Далеко не все произведения Ивана Савина смогли у нас сохраниться. В сборник «Только одна жизнь» вошли случайно сохранившиеся повести Ивана Савина. Многие рукописи Ивана Савина, к сожалению, утеряны. К тому же он не любил черновики, замыслы держал в голове».

Иван Савин обратил на себя внимание многих выдающихся людей того времени. Одним из его друзей был художник Илья Репин. После смерти поэта Репин писал вдове: «Я всегда мечтал, глядя на этого красавца малороссиянина, написать его портрет. Какая невознаградная потеря». В октябре 1974 года Юрий Терапиано пишет в «Русской мысли»: «Конечно, Иван Савин скончался рано, не успев по-настоящему раскрыть себя, но память об одном из самых ранних поэтов эмиграции мы должны сохранить для будущего».

Уходят люди, время пытается стереть их след, истлевают забытые рукописи, но память о них остается в воспоминаниях близких, в воспоминаниях современников, в старых тоненьких книжечках стихов и в пронзительных строчках, шедших из глубины сердца. Нити их творческого вдохновения пролегли через поколения, чтобы найти своего отзывчивого читателя. «Правду, исчезнувшую из нашей жизни, – возвращать наше дело», – писал А. Блок. Иван Савин совершил то, что было ему предначертано судьбой, – воплотил в своих стихах мир своей души, с невероятной искренностью, простотой и силой своего высокого творчества донес до читателя правду о событиях того времени, в котором он жил, ибо правдивость и является основой подлинного искусства.

В предисловии к книге о муже Савина-Сулимовская обращается к его читателям: «Самое главное и важное, что Иван Савин был поэтом Божьей Милостью, попавшим в русскую смуту, которую он сумел так ярко и глубоко описать. Я молю Бога, чтобы он, как живой, дотронулся до вашего сердца. Поймут ли сегодня люди, как искалеченный юноша-поэт на пороге смерти до конца бил в один и тот же, дорогой и нам колокол...» И все-таки, несмотря на все страдания, которые выпали на долю поэта, в жизни его была великая цель и великое творчество.

*Придут другие. Они не вспомнят
Ни боли нашей, ни потерь,
В уюты наших девичьих комнат
Толкнут испуганную дверь.*

*Им будут чужды немые строки
Наивно выцветших страниц,
Обоев пыльных рисунок строгий,
Безмолвный ряд забытых лиц.
Иному Богу, иной невесте
Моление будет совершено.
И им не скажет никто: отвесьте
Поклон умолкнувшим давно...
Слепое время сотрет скрижали
Годов безумных и минут,
И в дряхлом кресле, где мы рыдали,
Другие песни запоют.*

Трагедия русского поэта, потерявшего родину, была особенно характерна для поэтов первой волны эмиграции. Имена их долго замалчивали в России, включая поэтов Белого движения, таких как Арсений Несмелов, Николай Туроверов, Сергей Бехтеев, Игорь Воинов, Иван Савин и других. Оказавшись вне России, они продолжали писать, находя спасение от пережитого в творчестве.

Имя Ивана Савина вошло сегодня в список лучших поэтов России. В некрологе о Савине «Наш поэт» Ив. Бунин писал: «Будет и лик Белого воина, будет и Богом, и Россией сопричастен к лику святых, и среди тех образов, из коих этот лик складывается, образ Савина займет одно из самых высоких мест...»

Елена ДУБРОВИНА –

поэт, прозаик, эссеист, переводчик.

Родилась в Ленинграде.

Уехала из России в конце семидесятых годов.

Живет в пригороде Филадельфии, США.

Автор сборников стихов «Прелюдии к дождю» и «За чертой невозвращения», на английском языке романа «In Search of Van Dyck» и сборников рассказов «Portrait of a Wandering Soul» и «The Dying Glory».

Составитель и переводчик антологии «Russian Poetry in Exile (1917–1975). A Bilingual Anthology».

Печаталась в русскоязычных периодических изданиях:

«Новый журнал», «Континент», «Грани», «Встречи», «Новое русское слово», «Гостиная», «Литературная газета» и др.

Является главным редактором американского журнала «Поэзия. Russian Poetry Past and Present».

Ее стихи вошли в антологию английской поэзии Liquid Gold.

В журнале «Север» публикуется впервые.

